

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ВОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ

Спецназ ГРУ

Михаил Нестеров
Вольные стрелки

«ЭКСМО»

2010

Нестеров М. П.

Вольные стрелки / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2010 — (Спецназ ГРУ)

Сотрудник военной разведки Павел Цыплаков случайно выясняет, что в недрах ГРУ появилась и начала активно действовать некая антитеррористическая и антикоррупционная группа «Вольные стрелки». Цели ее благородны, но достигаются они абсолютно незаконными средствами. Цыплаков намерен лично разобраться в этом непростом деле. А тут как раз и повод подвернулся. Олигарх Юлий Вейсберг нацелился на приобретение военного городка. Поскольку на его территории остались стратегически важные коммуникации и оборудование, сделка оформляется незаконно, через военных коррупционеров. «Вольные стрелки» уже начали борьбу за справедливость своими методами. А Цыплаков уже встал на их след...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Нестеров

Вольные стрелки

«Наше агентство, у истоков которого стоял экс-министр обороны Сергей Харламов, редко называли Следственным комитетом военной разведки, разве что, когда хотели произвести впечатление на кого-нибудь, вот тогда-то и звучала аббревиатура СКВР и ее расшифровка. Наши потенциальные клиенты – военные преступники – нередко называли нас «полицией нравов», и на то у них была причина: мы внушали им страх, а значит, работа нашего отдела приносила определенную пользу. Оперативники из силовых структур, с которыми мы контактировали, обмениваясь информацией, воспринимали нас в качестве службы собственной безопасности военного ведомства, однако называли нас более «человечно»: люди Харламова. И нам льстило это название, которое мы сами сократили. Сами себя мы называли «люди-Х».

Из записной книжки начальника СКВР Михаила Гриневского.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Любые совпадения с реальными лицами случайны. Имена, события и диалоги являются результатом писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное отношение автора к странам, национальностям, личностям и любым организациям, включая частные, государственные или общественные.

«Ardens odio vestri»¹.

¹ Пламенно ненавидящий вас (латынь).

Глава 1

Дела обычные

Москва, май – июнь 2009 года

Водитель тентованного «бычка» в который раз подумал о том, что история повторяется...

Он сидел за рулем грузовика, кузов которого под завязку был забит смесью сахарного песка и гексогена. Три поста ДПС, досмотревших его «бычок» лишь поверхностно, остались позади. Люди, сопровождавшие смертоносный груз на «99-й», свое дело знали и деньги отрабатывали до последней копейки.

Легковушкой управлял майор милиции Старостин. Рядом сидел его подчиненный, капитан Василенко. Он и отвечал на все вопросы гаишников.

34-й километр МКАД. Очередной пост ГИБДД. Последний на пути, понадеялся капитан Василенко. С Варшавского шоссе им предстояло свернуть на улицу Кирпичные Выемки, с нее налево и – во двор. Он уж было подумал, что «бычок» в этот раз останется без внимания гаишников. Но полосатый жезл в руке постового взметнулся вверх, опустился, указывая вначале на выбранный объект, а потом – на место остановки.

Майор Старостин продублировал водителя «бычка» и поставил «99-ю» впритык к заднему борту «ЗИЛа», как если бы тот препятствовал досмотру. Сам майор остался на месте водителя, опустив стекло со своей стороны. Василенко вышел из машины, но постовой остановил его:

– Оставайтесь на месте!

– Как в Америке, – усмехнулся капитан, выполняя команду.

Оба офицера милиции были одеты в форменные голубые рубашки, но без погон и галстуков. Когда постовой в звании лейтенанта подошел к машине, майор опередил его, протянув в окно свое удостоверение. Кивнув на «бычок», постарался прояснить ситуацию:

– Я сопровождаю эту машину.

– Лейтенант Кислов, – прежде всего представился гаишник. – Что в кузове? – спросил он, по осадке машины более-менее точно определяя вес груза.

– Собственность РОВД, которое я возглавляю.

«Он возглавляет отделение милиции», – уточнил про себя Ринат Кислов, оглядывая его. Не так давно разразился очередной скандал: ФСБ арестовала начальника РОВД, который на своей машине провозил наркотики.

Лейтенант вернул майору удостоверение.

– Можно посмотреть на другие бумаги?

– Без проблем. – Старостин прямо на глазах у постового вынул из кармана три тысячные купюры и засунул их внутрь сложенного вчетверо листа бумаги.

У Кислова было время подумать. Он развернул лист, придерживая банкноты пальцами, и шагнул по направлению к грузовику. Глянул на водителя у левого борта и, представившись, потребовал у того документы.

– Что в кузове?

– У них спросите. – Стешенко кивнул на «99-ю». – Мое дело – баранку крутить.

В водительском удостоверении было указано, что баранку Стешенко крутит с 1991 года. Солидный стаж, почти двадцать лет.

– Пройдемте со мной.

В прохладном помещении ДПС лейтенант указал Стешенко на стул. Сам же, заняв место за компьютером, ввел в строку поиска номер удостоверения. Мгновенно получил подтверждение его подлинности.

Он тянул время, хотя не мог найти причину. Казалось, он забыл правило: сомневаешься – не бери. Тем более – от коллег. Но этот майор Старостин показался ему знакомым. Кажется, он сам или его напарник хотя бы раз его останавливали. Какого характера груз в машине, которую тот сопровождал, лейтенанта по большому счету не интересовало, он больше был озабочен чистотой денег. Он мог вернуть «трешку» в той же упаковке и проверить груз, но уже не мог отпустить бесплатно. Он не раз попадал в ситуацию, когда схожие дела решались не в его пользу: телефонный звонок, строгий голос, рекомендации «не осложнять положения дел».

Кислов вернул водителю его права. Окликнул на пороге:

– Передай старшему транспортную накладную.

Стещенко вернулся к «99-й», отдал майору сложенный вчетверо листок бумаги. Тот развернул его, даже потряс, но из него ничего не выпало.

Лейтенант вышел из будки ДПС и только теперь обратил внимание на еще одну машину: восьмую модель «Жигулей» давно вышедшего из моды цвета «мокрый асфальт». Она остановилась в полутора десятках метров от машины подольских милиционеров: габаритные огни и ближний свет включены, двигатель работает на холостых... неустойчиво, машинально подметил лейтенант. Через несколько мгновений понял, что водитель подгазовывает. Нервничает? Кто остановил эту «восьмерку»? Лейтенант бросил взгляд на напарника. Тот в это время проверял документы у водителя фуры. Не он – это точно.

Кислов подошел ближе и сумел разглядеть в салоне машины двух смуглых женщин. Боковые стекла и стекло задка были затемнены, и лейтенанту показалось, что одеты они в черное. Тотчас в голове у него начал вырисовываться образ шахидки. Но он прогнал его, нарисовав другой, более безобидный – цыганки. Он сделал по направлению к машине еще шаг и жезлом перегородил ей путь, заметив, что женщины переглянулись, а водитель перестал подгазовывать и смотрел прямо перед собой.

Лейтенант обернулся на ходу. Водитель «бычка» не торопился сесть за руль. Он стоял у раскрытой двери и смотрел то ли на постового, то ли на сопровождающих из Подольска. Все это дешифровало группу людей в трех машинах, и Кислов скороговоркой передал по рации:

– Быстро ко мне! У меня ситуация!

Его напарник отреагировал моментально. Потянув из-за спины укороченный «калаш», он бросился на помощь.

Майор Старостин разобрался в ситуации быстрее своего сослуживца. Он включил зажигание и вдавил в пол педаль газа. Панорамное зеркало для него превратилось в увеличительное стекло. Как и лейтенант, которому он дал взятку, он разглядел в салоне «восьмерки» двух смертниц. Догнали только сейчас или оставались незамеченными в течение всего пути? Вот зараза!

– Валим отсюда!

Расстояние до «бычка» было слишком мало, и майор, вывернув руль влево до отказа, снес на своей машине правую фару. Он едва не сбил вооруженного автоматом постового, а вот водителю «бычка» повезло меньше. Он стоял на пути милиционеров, спешащих прочь от этой машины. Их «99-я» снесла водителя вместе с открытой дверью грузовика и с треснувшим лобовым стеклом, петляя, обошла стоящую фуру справа.

Сидевший за рулем «восьмерки» человек мысленно, как заклинание, припомнил пункт назначения: один из дворов на улице Кирпичные Выемки, это буквально в паре шагов от этого поста. Там их уже, нетерпеливо поглядывая на часы, поджидал арендодатель. Нетрудно представить, что металлическая дверь в полуподвальное помещение жилого дома открыта, поддоны аккуратно расставлены. По сути дела – это стартовая площадка. Полторы тонны взрывчатки поднимут дом на воздух. Планируемое число погибших колебалось от ста восьмидесяти до двухсот человек. Это не считая жертв из соседних домов и случайных прохожих.

Он оставил в покое педаль акселератора, когда Наваль, чье имя означало «подарок», прикрикнула на него:

– Бросай газовать!

Она в упор посмотрела на Римму, которую с детства называли двойным именем: Римма Красивая, и требовательно протянула руку:

– Дай мне пульт. – И повторила: – Дай мне пульт. Все кончено.

Но еще несколько минут назад она говорила: «Мы в самом начале пути».

Лейтенант припал на одно колено и, прицелившись в обрез лобового стекла, дал короткую очередь. Мгновениями раньше он заметил, как женщины обменялись традиционным поцелуем: дважды коснулись друг друга щеками.

Эти упущенные им секунды и инструкции о предупредительном выстреле, крепко сидящие в нем, стоили жизни ему и многим другим. Он открыл огонь на поражение в тот момент, когда Наваль нажала кнопку на пульте дистанционного управления. До машины со взрывчаткой было не больше сорока метров. Сигнал был четкий, и приемник, работавший от 6-вольтового аккумулятора, передал его на детонатор.

Грузовик подбросило на десять-пятнадцать метров. В образовавшуюся воронку попали его обломки. Раскаленные, объятые пламенем, они будто разрезали все вокруг. Взрывная волна была настолько мощной, что в радиусе семидесяти метров смела все машины в один ряд.

Майор Старостин сумел выровнять свою «99-ю». Подчиняясь внутреннему голосу, он резко затормозил, развернулся и, объехав образовавшийся затор по встречной и ставшей свободной полосе, увидел то, что и рассчитывал увидеть. Сквозь клубы дыма он сумел разглядеть тело человека в милицмейской форме. Кислова размазало по стеклу расстрелянной им машины со смертницами. Голова его была разбита, руки и ноги вывернуты, ремень автомата дважды обернулся вокруг его шеи.

– Черт, – устало выдохнул майор.

Он раскрыл дверцу и не без труда выбрался из машины. Первым делом подошел, чувствуя на спине жар над очагом взрыва, к другому постовому. «Да он в рубашке родился», – пронеслось у него в голове. Второй постовой был жив, но сильно контужен. Из ушей и правого глаза текла кровь. Он разевал рот, пытаясь что-то сказать. Майор энергичным жестом руки поторопил капитана Василенко:

– Давай сюда, Саша, быстрее!

Когда капитан подошел, Старостин взял постового за руки, Василенко – за ноги. Вдвоем они перенесли его к своей машине, уложили на заднее сиденье. Майор завел двигатель и, прежде чем тронуться в путь, объяснил свои действия:

– Он – наше алиби. Хорошее оно или плохое. Отвезем его в больницу и останемся там, пока не прочухается. Он должен вспомнить, что мы ехали с другой стороны.

– У страха глаза велики.

Майор не нашел, что ответить напарнику.

Но он, во всяком случае, не сидел сиднем, а хоть что-то делал. Если бы не он, то они разделили бы участь десятков людей.

«Откуда тут бетонные блоки?» – недоумевал майор, проезжая знакомое место. И только миновав его, понял: это остов здания ДПС. Само здание взрывом разнесло по кирпичам.

* * *

47-летний Юлий Вейсберг до сегодняшнего дня сохранил привязанность к наличным деньгам. В его портмоне и просто в карманах всегда хранилась крупная сумма: доллары, евро, рубли. Он не забывал те времена, когда трепетно относился к немецким маркам – его любимая валюта. И вот сегодня, 26 мая, день хоть и солнечный, но прохладный, – он полез было за

наличными в карман, но спохватился. Наличные, которые ждал от него Муса Сараев, как раз умещались в стандартный кейс.

В этой связи он не мог не вспомнить одну из многочисленных публикаций журналистки Юлии Латыниной: «В России самые дешевые теракты».

В нынешней России уровень террористов соответствует уровню милиции... Организаторы взрывов в Буйнакске перегружали грузовик со взрывчаткой, прикрытой арбузами, который они пригнали от Хаттаба, прямо в доме одного из боевиков. В это время в дом явились менты: спросили, что происходит, им ответили, что разгружают арбузы, те попросили арбуз, получили его и уехали... Боевики, взорвавшие Волгодонск, для перевозки взрывчатки использовали грузовик, взятый напрокат у односельчанина. Грузовик сопровождал знакомый гаишник за мешок с сахаром.

Дешевле терактов в России только менты. В России не было ни одного теракта, который они не могли бы предотвратить, но не сделали этого, получив в награду мешок картошки, сахара или арбуз».

Впрочем, Вейсберг знал ответ. Его деньги предназначались для развития и финансирования подрывной деятельности вообще. А в частности – да, конкретно теракты в России не дешевы, а скорее – недороги. Каждый получает свое. Смертник – смерть, его наставник укрепит свой авторитет и получит деньги, духовный лидер – еще больший почет и богатство.

Вейсберг подпитывал деньгами всю инфраструктуру террористической организации, и начало этого лежало в холодном октябре 1993 года. Тогда Муса Сараев, далеко не первый в полутысячном чеченском отряде, промышлявшем рэкетом в российской столице, «наехал» на рядового тогда предпринимателя, и то ли в шутку, то ли всерьез стал называть его «мой Моисей». С тех пор утекло много воды. Связь Вейсберга и Сараева в прессе называли симбиозом – в природе это тесное сожительство двух организмов разных видов. Вейсберг – еврей, его начальник службы безопасности – чеченец. Он же посредник между идеологами террористов и его финансистом.

Вейсберг этой теме давно уже не придавал особого значения. Он как-то раз подумал о том, что давненько на его пути не встречалось неофашистов. Ничего не изменилось бы в плане финансирования, только направление – и как следствие, фашизм в России креп бы день ото дня.

Вейсберг рассмеялся над обескураженным видом Мусы Сараева: тот пришел за целым «дипломатом» денег, тогда как Юлий начал искать их в карманах. Муса, занимающий должность начальника службы безопасности, был коренастым, с неопрятной недельной щетиной и вечно расстегнутым воротом рубашки. Он не разделял веселья босса и с непроницаемым выражением на лице дожидался обещанных денег. Им еще только предстояло «отмыться», пройти через фонд, возглавляемый вором в законе Хожамировым, ставшим в середине 90-х министром нефтяной и газовой промышленности Чечни. Кроме него, фонд состоял из еще нескольких человек, три из них – ключевые, представлявшие чеченскую диаспору в Москве. Часть денег тратилась фондом на социальные программы, но львиная доля предназначалась на «продолжение политики другими средствами». Так немецкий генерал Клаузевиц раскрывал содержание понятия «война». Ну а суть политики – борьба за власть, и это уже аксиома.

Вейсберг остановил Сараева на пороге и спросил, манерно покачиваясь с пятки на носок:

– Я слышал, твоих земляков постигла неудача в одном деле?

– Хочешь поговорить на эту тему?

– Нет, – Вейсберг покачал головой, пряча насмешливые искры в глазах. – Я просто спросил.

* * *

Русскоязычный сайт «Феликс» был зарегистрирован в Тайване, о чем пользователей Интернета извещал специальный плагин в браузере. Этот сайт входил в число немногих, предоставляющих достоверную информацию о работе ФСБ. Самым интересным его разделом можно было назвать «текущие дела», находящиеся в стадии расследования, а менее интересными пользователи называли «глухари» – никакой динамики.

Никто не знал настоящего имени Феликса, но точно было известно, что за этим ником скрывался некий полковник из Федеральной службы безопасности. Информация, которую Феликс выкладывал на сайте, претендовала на определение «первоисточник».

Сегодня на нем же появились первые сведения о теракте на 34-м километре МКАД.

«...Следственной группой ФСБ был установлен любопытный факт: три купюры достоинством одна тысяча рублей, найденные у погибшего в результате взрыва лейтенанта милиции Рината Кислова, и купюры такого же достоинства, обнаруженные при обыске машины сопровождения с террористками-смертницами, – цитата следователя: «из одной пачки». Эту «странность» попытался объяснить напарник Р.Кислова – старший лейтенант Борис Егоров. Он предположил, что террористы попытались «договориться» с Кисловым, и тот взял деньги, чтобы усыпить их бдительность. Ведь это он первым открыл огонь по машине сопровождения, передав по рации: «Быстро ко мне! У меня ситуация!» Кто бы что ни говорил, но Кислов, безусловно, проявил личное мужество. Начальник полка ДПС, в котором лейтенант проходил службу, представил его к награде – посмертно.

Но это не единственная версия. Следствие отработывает и другие, в том числе рассматривает Р.Кислова как соучастника преступления.

Из достоверных источников стало известно, что в машине сопровождения также был найден детальный план проведения теракта. Целью террористов был жилой дом на улице Кирпичные Выемки. То есть до места назначения террористам оставалось, по большому счету, миновать пост ДПС на 34-м километре МКАДа.

Сотрудники ФСБ провели ряд обысков и арестов, допросили сотни очевидцев (...) и выявили ряд несоответствий. Так, водитель «КамАЗа» показал, что «99-я» с сотрудниками подольской милиции остановилась на посту одновременно с «бычком», начиненным взрывчаткой, тогда как сами сотрудники милиции (майор Старостин и капитан Василенко) утверждают, что ехали «из центра в Подольск». Еще несколько свидетелей показали не в пользу милиционеров. Их удивила поспешность, с которой те покинули место происшествия: за несколько секунд до взрыва, разбив фару и бампер, но до первого выстрела лейтенанта Кислова.

Новость последнего дня. На автозаправочной станции номер 151 города Подольска, на улице Пионерской, майор Старостин расплатился купюрой достоинством одна тысяча рублей, номера которой следуют за номерами купюр, обнаруженных при обыске тела лейтенанта Кислова.

Новость последнего часа: с майора Старостина были сняты обвинения в причастности к данному теракту – имеется в виду сопровождение. Все решил один телефонный звонок министра внутренних дел. Видимо, и на этот раз преступникам в милицейской форме удастся уйти от ответственности».

– Это вряд ли, – прокомментировал прочитанное Сергей Глумов. И повторил: – Вряд ли.

* * *

Братья Гекко подъехали к ресторану «Звезда Востока» за час до его закрытия – в одиннадцать вечера – и заглушили мотоциклы. Оба были в кожанках, пестрых банданах и дымча-

тых очках, вооружены пистолет-пулеметами «ПП-93». Лично Гекко-младший с двух рук мог уложить в грудную мишень тридцать выстрелов на дальности двадцать пять метров. По его мнению, это был «самый симпатичный, безо всяких там полимеров и прочих новшеств пистолет-пулемет, надежный... как адвокат дьявола».

Сегодня братья впервые примерили рокерский прикид и пришли к единодушному мнению, что он им к лицу. «Может быть, в следующий раз я надену костюм клоуна», – сказал младший из братьев.

В этом ресторане было три зала на сто девяносто человек, и его недаром называли «уголком солнечного Узбекистана». Фирменными блюдами здесь считался шашлык «Звезда Востока» и морское ассорти «Арал».

Сейчас был самый разгар вечерней программы – танец живота. Танцовщицы так зажигали, что даже завсегдатаи покинули кальянные комнаты. Майор Старостин и капитан Василенко тоже, оставив кальяны на свежих фруктах, вышли в главный зал, переглянулись и уставились на потных танцовщиц. Обменяться хотя бы парой фраз для них было проблематично: они еле ворочали языком, набравшись узбекского тока. Они были здесь частыми гостями, в первую очередь их привлекала узбекская кухня. Но сегодня они поднимали бокалы за «восстановление прежней репутации», правда, отдавая себе отчет в том, что министр их отмазал только потому, что они все еще оставались частью системы, и его стремление защитить «своих» было вполне естественным.

Напарником Сергея Глумова в этот вечер стал Виктор Жильцов, получивший позывной «Крист» за манеру всегда держаться подтянуто и за страсть к модной одежде: он был КРутым И СТильным, с внешностью человека, на которого могла запасть как «армия любовников», так и любовниц. Он пил портвейн номер 26 и получал от этого не меньшее удовольствие, чем женщина от «Шанель №5».

Глумов потягивал ташкентское десертное, но тоже крепкое. Он не любил «сушняк».

Впервые за этот вечер они увидели майора и капитана. «Сколько же они проторчали в кальянной комнате?» – задался вопросом Сергей. Выходило, больше часа. Именно столько времени провели в ресторане Глумов и Жильцов, точно зная, что майор и капитан пришли сюда на полчаса раньше.

– Эти двое скоро умрут, – вслух рассуждал Крист. – Смерть – это только цена, которую они должны заплатить.

– Будь проще, и народ к тебе потянется, – напомнил ему Сергей современную мудрость. Он прицелился пальцем в одного, потом в другого милиционера, вслух посчитал: – Восьмой и девятый.

– Ты, как всегда, ошибся, – поправил его Жильцов. – Девятый и десятый. Всего мы перевели восемь паразитов.

– Почему бы тебе не встать и не заорать на весь зал?

– Что толку? Ведь в двух других меня не услышат.

Они называли себя «вольные стрелки». На их счету восемь, как правильно заметил Крист, условно говоря – человек, заплативших за измену, предательство, за смерть невинных людей. Среди этих восьми – одна женщина. Под прикрытием ее славянской внешности в метро беспрепятственно прошла шахидка и подорвала себя вместе с пассажирами. Ее убил Крист. Придушил голыми руками, глядя ей в глаза.

Крист и Глумов познакомились на станции метро «Пушкинская». Сергей был в военной форме. В руках цветы. Глаза устремлены на мемориальную плиту.

– Здесь погиб твой близкий?

Он обернулся на человека, также одетого в военную форму. И сказал то, что было понятно только ему:

– Если бы...

Он отошел в сторонку. Жильцов присоединился к нему. Прикурил. На замечание Сергея «здесь не курят» Крист отмахнулся:

– Почему нельзя курить там, где взрывают?

– Никто из моих близких не погиб от рук террористов, – ответил на вопрос нового знакомого Глумов. – Я редко прихожу сюда. Но часто вижу себя напротив мемориальной плиты. Мне трудно объяснить свое состояние даже самому себе. Это внутри, понимаешь? Может быть, это называется долгом, не знаю.

Вечером этого же дня Крист познакомился с «вольными стрелками», а через неделю стал шестнадцатым членом команды. Он был самым старшим – тридцать два года.

– Они уходят, – Жильцов бокалом указал на милиционеров. – Ну почему сегодня я работаю на подстраховке?..

Глумов выбрал из списка номер телефона, нажал на кнопку вызова и, дождавшись ответа, повторил за Кристом: – Да, уходят. Теперь они ваши. Сделайте все красиво.

– Сделаем, не беспокойся, – заверил его Гекко-старший.

Майор Старостин первым, пошатываясь, вышел из ресторана и сразу направился к своей машине. Сегодня он приехал в ресторан на «Ниссане-Премьер» с ее шестью подушками безопасности и камерой заднего вида с цветным монитором. Дождавшись Василенко, он завел двигатель и тронул машину с места.

С Литейной улицы майор свернул на Пионерскую, где несколькими днями раньше он совершил большую глупость: расплатился за бензин палеными, считай, деньгами. Откуда ему было знать, что опера с Лубянки отслеживали каждый его шаг? Именно здесь, в сотне метров от автозаправки, «Ниссан» нагнали два мотоцикла и взяли его «в коробочку».

Старостин нажал на кнопку. Когда стекло уползло вниз, он крикнул одному из байкеров:

– Эй, что за хрень?

Гекко-старший повернул к нему голову. Он был так близко к машине, что мог при желании влезть в окошко. Вблизи майора передернуло от его холодных глаз. Он надавил на газ, и «Ниссан» легко набрал скорость. Но байки в разы превосходили его в приемистости и настигли за считанные секунды. Братья одновременно достали оружие и открыли огонь. Пули жалили милиционеров в плечи и спину, они корчились от боли, но были живы. Дальше Гекко-старший симпровизировал. Он склонился над мотоциклом и, отпустив одну руку, просунул ее в салон «Ниссана». Ухватившись за руль, он выровнял машину и повел ее в нужном направлении. А вот и поворот на заправку, где сплошная линия дорожной разметки перешла в прерывистую. Гекко-младший отстал, наблюдая за красивым, но рискованным трюком брата. А тот и не думал отпускать руль машины и повернул на заправку вместе с ней. И только направив «Ниссан» точно на первую колонку, отпустил его. И затормозил передним колесом. Этот маневр помог ему выпрямить мотоцикл и вытолкнуть его из поворота.

«Ниссан» с ходу врезался в колонку. Топливозаправочный шланг вылетел со своего места, разбрызгивая бензин во все стороны. Ручеек быстро побежал к тому месту, где оставался Гекко. Спецназовец, заблокировав передние колеса, отпустил сцепление и газанул на передаче. Заднее колесо буксовало на огромных оборотах, нагреваясь все больше, мотоцикл окутался черным дымом. И бензин, коснувшись раскаленного колеса, вспыхнул. Гекко убрал пробуксовку, подняв переднее колесо, и включил повышенную передачу. Его мотоцикл сорвался с места в тот момент, когда огненная река накрыла «Ниссан».

Двери заклинило от удара о колонку, и раненый майор, преодолевая боль, пытался выбраться в окно. Но огненная волна загнала его обратно в салон. Майор и капитан сгорели заживо...

Глава 2

Озарение

Сергей Глумов ехал в расположение воинской части, повторяя про себя: «Вся наша прежняя работа – мелочь», – будто боялся забыть смысл. И другие тоже: «Аврора». Юбилей. Гости». Он едва не проскочил на красный свет светофора, уже начавшего обратный отсчет: 59, 58, 57... Почти минута, чтобы снять возбуждение.

Сергей прикурил сигарету. Бросил взгляд в зеркало заднего вида. Водитель в «Приоре» показался ему знакомым. Через пару секунд он понял, что ошибся. Просто тот напомнил ему одного человека. И без него на экстренном совещании не обойтись. Сергей набрал номер телефона майора Бармина, прикидывая, дома тот или на работе.

– Привет, – поздоровался он с майором, когда тот ответил на вызов. – Ты где?

– Ты прямо как моя жена. Я в части. У меня...

– Бросай все дела и приезжай к нам, – акцентировал Сергей.

Похожий на майора Бармина водитель «Приоры» посигналил: та-та, та-та-та, что было похоже на «езжай, зеленый!».

Глумов рассмеялся и резко тронулся с места.

В казарме он прежде всего нашел «черный список» с именами спонсоров террористов, хранящийся в папке вместе с похожими документами.

В открытых источниках можно было найти не один десяток подобных перечней террористических организаций, номером первым в которых значилась «Аль-Каида». Это и «Исламское движение «Баян» из США, и «Восточный исламский фронт освобождения» из Турции, и иракские «Зеленый батальон» с «Ротой моджахедов», и еще множество организаций и группировок. Одни «черные списки» пестрели именами исполнителей, заказчиков, финансистов, идеологов. Другие отличались избирательностью и содержали в себе только исполнителей, боевиков или только «идейных вдохновителей». Ликвидация таких групп считалась для спецслужб приоритетной задачей.

Наравне с ними находились группы финансистов. Российские спецслужбы отводили им второе место. Потому, наверное, что в России теракты отличались относительной дешевизной, и для террористов вопрос «где взять деньги?» стоял не на первом месте.

Список, который Сергей держал сейчас в руках, привлек его тем, что все люди, упомянутые в нем, являлись спонсорами бандитов. Кто был его автором – вопрос не такой уж и важный. Конечно, рассуждал Глумов, если назвать идеологию «всемирной», то все равно она без финансовой поддержки – ничто. Без нее нет и третьей силы – исполнения, реализации преступления как такового. Финансирование экстремистов можно было назвать предохранителем, без которого не работала вся цепь – от идеологии до исполнения.

– Так и есть, – бросил Сергей под нос. – Крист! – позвал он товарища. – Найди в Интернете статью о праздновании юбилея на крейсере «Аврора».

– И сколько ей стукнуло? – поинтересовался Жильцов, включая компьютер.

– Не ей, а ему. Юбилей – Юлий Вейсберг. 6 июня ему стукнул полтинник.

– Есть, – через пару минут доложил Крист.

– Посмотри, не фигурируют ли там фамилии Хожамирова, Хусейнова, Бажаева, Мусаева. Я-то знаю, что они там есть, но это нужно для вас.

К этому времени к командиру присоединились и остальные бойцы подразделения. Кто-то сел на табурет, кто-то на кровать.

– Да, так и есть. В статье написано, что они в числе приглашенных, – доложил Крист.

– Но там не написано, что Хожамиров – вор в законе, в 1996 году был назначен министром нефтяной и газовой промышленности Чечни, – уточнил Сергей. – Братья Хусейновы – владельцы ресторанов и недвижимости в Москве, активные финансисты террористов. Бажаев – президент нефтяной компании. Мусаев – владелец гостиниц и сети пунктов быстрого питания.

Глумов минуту провел в молчании. Молчали и его подчиненные.

– Крист, у тебя есть список сайтов, раздающих компромат?

– Да.

– Найди хотя бы общую информацию на этих людей. Прежде всего меня интересуют их дни рождения, свадьбы, другие крупные события – сделки, покупки недвижимости, земельных участков. Прежде всего они – любители красивой жизни, и за ними неотступно следуют журналисты. Уверен, об их похождениях не написал только ленивый.

– Ну, это далеко не общая информация, – заметил Жильцов и занялся поисками.

Эта несложная, в общем-то, работа требовала времени. Простое вбивание фамилий в поисковую строку браузера здесь не подходило. Тут требовался даже не расширенный поиск – искать предстояло по конкретным адресам сайтов, содержимое которых часто не индексировалось, а значит, поисковые пауки не могли с ними работать.

Сергей подумал о том, что нагнал напряжение в роте, а точнее, в той части казармы, которую кто-то из бойцов назвал «коридором». Он был затемнен, на окнах установлены коричневые шторы из мягкого материала, однако они были достаточно тяжелы, чтобы колыхаться от сквозняка. Эта часть казармы смотрелась как через телепорт, будто находилась на другом краю района, имела свое неповторимое освещение, обстановку, даже атмосферу быта солдат-контрактников...

Каждому из бойцов Глумов в свое время сделал предложение, и начиналось оно со вступительных слов: «Ты убивал. И не раз. Голыми руками, ножом, спускал курок. Тебе трудно будет скрыть свое прошлое, да ты и не захочешь избавиться от того, что по-настоящему будоражит сознание и заставляет кипеть кровь. Я делаю предложение: работай на меня. И ты получишь не только деньги, но и защиту. Что за работа, спросишь ты. Работа, к которой ты привык: жить в казарме и быть готовым к тому, чтобы еще раз убить и не спрашивать, зачем это нужно».

Каждый из них ответил: «Отлично! Мне это знакомо. Я в деле».

И даже посчитал, что только выиграл от этой сделки.

Каждый из них был рад остаться в строю. Не надо ничего перекраивать и перестраиваться самому, просто оставаться на привычном месте самим собой.

Не задавать вопросов – это было частью их жизни.

Глумов, выполняя задание генерал-лейтенанта Разлогова, не просто так подбирал людей в команду – он преследовал и свои цели. У Жильцова во время теракта в Каспийске погиб старший брат – он служил в военном оркестре; он отдавал ему память здесь, в Москве, на станциях, где от рук террористов погибли люди. Братья Мошновы – Влад и Владимир – потеряли отца, это когда взорвали жилой дом в Москве.

– А что, – вывел его из раздумья Крист, отрываясь от работы, – вернулся генерал из Питера?

– Ага, чуть свет, – несколько растерянно отозвался Глумов.

С генералом он познакомился при довольно странных обстоятельствах. Каждый в своей машине, они мчались навстречу друг другу. Аркадий Разлогов – по главной дороге, Сергей Глумов выезжал на нее с полосы разгона. У генерала была возможность перестроиться в левый ряд, свободный от машин, и дать дорогу Глумову, но тот, бросив взгляд в левое боковое зеркало, продолжил ехать прямо. Сергей посигналил ему и, притормозив, секунду спустя догнал Разлогова по левой полосе. Оба были в военной форме. Глумов в ту пору носил на плечах погоны лейтенанта, а Разлогов – генерал-майора. Глумов показал «однойзвездочному» генералу средний палец и проартикулировал «fuck уоп, придурок». Разлогов энергичным жестом при-

казал обидчику остановиться на обочине. Когда тот выполнил его первый приказ, Разлогов напрасно прождал его в своей машине больше минуты. Наконец он, хлопнув дверцей своего серебристого «Мерседеса», направился, печатая от злобы шаг, к белесой «99-й».

– Что вы себе позволяете, лейтенант?! – рявкнул он в приоткрытое окно. – Выйдите из машины!

Глумов вышел. И даже не застегнул рубашку на все пуговицы.

– Как вы объясните свой поступок?

– А что, двойка за поведение – уже не оправдание?

Генерал с минуту смотрел на дерзкого офицера, цвет лица которого не изменился. Чего нельзя было сказать о самом генерале: щеки его горели, словно во рту у него включилась сто-ваттная лампочка. Но вот и она потухла.

– Чем вы руководствовались, когда подрезали меня? Погодите отвечать. Прежде назовите свое имя и занимаемую вами должность.

– Глумов Сергей. Командир разведзвода.

– Так вы разведчик, ну-ну... Разве вас не учили просчитывать свои действия?

– Я просчитываю на два-три хода вперед, а там по ситуации.

Разлогов не знал, плакать ему или смеяться. Напоследок он сказал:

– Вы бы хоть пуговицу на рубашке застегнули.

И Глумов окончательно растопил его сердце: шагнул вперед, застегнул пуговицу на рубашке генерала и спросил:

– Разрешите идти?

Генерал долго не мог забыть этой встречи, будто повстречал давно потерянного... младшего брата. Поведение Сергея не выходило у него из головы и этим вечером, и следующим. Он увидел в нем «настоящего человека», потому что не заметил фальши, лицемерия – всего того, что сквозило в его подчиненных и даже близких. Он был прям, как стрела, и прямота его не была напускной. *Настоящий разведчик и должен быть таким.* Он просчитывает на два-три хода вперед, а дальше действует по обстоятельствам. Другой ответил бы, что «как шахматист, просчитывает на много ходов вперед...».

Они встретились через неделю. Генерал сам назвал этот срок испытательным: не изменится ли его отношение к Сергею. Не изменилось. Занятый делами на службе, он, по меньшей мере, пару раз в день вспоминал его.

Только что отстроенный двухэтажный особняк генерала примыкал к военному городку, участь которого была решена (через полгода его продадут с молотка). Разлогов не был женат и в этом плане считался самым богатым «звездным» холостяком. Дома он «создавал подходящие условия для проживания». Пока что обнаружились проблемы с канализацией плюс другие мелочи. Половина мебели собрана, другая половина...

– Она мне разонравилась, – открыл он душу лейтенанту. – Продам к чертовой матери, куплю другую, пониже. А эта...

«Эта» повторяла формой советскую мебель, занимающую в комнате всю стену. В ней генерала раздражала многофункциональность и даже *секциональность*.

– Если честно, сам не знаю, чего хочу. Вот пример. Я плохо разбираюсь в искусстве, но точно знаю, что мне нравится, а что – нет.

– Товарищ генерал, – обратился к нему Глумов. – Ваши люди поторапливали меня: мол, собирайся быстрее, гнида, у генерала мало времени. Может, мы по-быстрому решим наши дела?

– Э, нет, – он погрозил гостю пальцем. – Решать дела с кондачка – не в моих правилах. Садись, Сергей. – Генерал сдернул с кресла полиэтиленовую пленку, дождался, когда гость сядет, сам же остался стоять. – Я хочу, чтобы ты представлял меня... в определенном окруже-

нии, то есть был моим представителем, – с небольшой заминкой закончил Разлогов. – Мне понравился твой стиль общения. Поработаешь с одним человеком, он введет тебя в курс дела.

– Вам не кажется, что вы доверяете первому встречному?

– Я узнал о тебе достаточно, чтобы доверять на одном пока что уровне, – конкретизировал Разлогов. – Только не старайся мне понравиться. Я не люблю показуху. Теперь поговорим о твоих подчиненных. Ты командуешь взводом, так?..

– Хотите передать в мое распоряжение роту?

– Если все пойдет так, как я планирую. Но только формально. В оперативном подчинении у тебя будет только взвод, надежные люди. Поговори с ними так, как я с тобой, и ничего не придумывай. Ты убивал?

– У меня две командировки в Чечню за спиной. Хотя и очень горячая точка, но я там не пирожки пек.

– Значит, убивал?

– Приходилось, – ответил Глумов. И напомнил генералу: – Вы говорили об одном уровне, а что на втором? Какую конкретно работу вы мне предлагаете?

– Работа, к которой ты привык. Жить в казарме и быть готовым к тому, чтобы еще раз убить и не спрашивать, зачем это нужно.

Это было три года тому назад.

Сегодня генерал вернулся из Питера, Сергею лично пришлось встречать его на Ленинградском вокзале, везти его, буквально как вареную свеклу после вечеринки на «Авроре», домой. «Как нянька!» – выругался тогда Глумов. Он ждал, когда начальник управления Госэкспертизы приведет себя в порядок. Мог прождать его и час, и два. Сергей решил скоротать время на втором этаже генеральского дома. Обычно он устраивался в кресле с книгой, а на этот раз прихватил с собой свежую питерскую газету, которую генерал привез с собой и бросил на роскошную этажерку в прихожей. Читать начал с последней страницы и сразу же наткнулся на знакомую фамилию. Иллюстрированная статья была посвящена позавчерашнему юбилею Юлия Вейсберга, который с размахом, присущим этому бизнесмену, прошел на легендарном крейсере.

Сергей читал статью и не переставал хмуриться. Что-то не давало ему покоя. Он знал цену моментам, когда, что называется, в мозгу щелкало.

Он отложил газету, спустился на первый этаж, подошел к этажерке... Пожалуй, в поисках ускользнувшей из памяти детали он ушел слишком далеко. Ему стоило вернуться к самой первой странице...

Генерал сейчас плескался в ванной комнате; через открытую дверь сюда свободно проникал шум воды. Глумов мысленно посоветовал шефу не торопиться и сам прибавил шагу. Газета снова была у него в руках. Он пробежал глазами заголовок на первой странице, там же прочитал и обзор всего выпуска, наткнулся на заголовок: «Пир во время чумы» – так назвал свою статью, посвященную юбилею, журналист питерской «Аллеи независимости». Рок-музыканты, гости, губернатор, министр, бизнесмены, чиновники из Минобороны, просто «узкий круг лиц».

«Под «Вопли Видоплясова» чиновники из Минобороны провели в одной из кают «Авроры» совещание».

Не то, качал головой Сергей, прислушиваясь к своим чувствам.

«Среди гостей были замечены особо не афиширующие себя члены «высшего совета» чеченской диаспоры: Хожамиров, братья Хусейновы, Бажаяев, Мусаев»...

Сергей вернулся к фамилиям чеченцев и в тот же миг вспомнил, что именно в таком порядке однажды прочитал эти имена. По крайней мере, один раз. И он вспомнил «черный список», опубликованный на сайте Феликса...

Глумов тряхнул головой: не может быть! Все пять человек, причастных к терактам в различных российских городах, собрались вместе, и неважно по какому поводу: юбилей, свадьба, похороны... В этой связи проглядывала перспектива, что они снова могут оказаться в одном и том же месте и в одно время. И если вычислить место и время, можно нанести сокрушительный удар по спонсорской верхушке террористов...

– Готов, – наконец отозвался Крист.

– Что, есть результаты? – встрепенулся Сергей, прогоняя воспоминания.

– Надеюсь, что только первые.

Жильцов распечатал документ и передал его командиру. Тот жадно впился глазами в текст. Несколько секунд, и он в победном жесте вскинул руку:

– Вот оно! Эти подонки собирались в прежнем составе... в прошлом году... кто бы мог подумать? – чтобы обмыть яхту, «сошедшую со стапелей Кадиса» в 1993 году. Яхта не новая, но дорогая. Вейсберг выложил за нее полста миллионов евро. Пятеро в лодке, не считая собаки, – насмешливо заметил Сергей. – Закрытый клуб. И однажды мы толкнемся в эту дверь.

– Может, объяснишь, что здесь вообще происходит? – Вокруг командира собрались все «вольные стрелки».

– Все, чем мы занимались раньше, – это мелочи.

– Мелочи? – переспросил Крист и пожал плечами. – Но мы конкретно разобрались с десятком исполнителей. Про нас говорят так, как мы себя называем: «вольные стрелки», но не могут выйти на нас. Это тоже мелочи?

– Если тебя от этого переполняет гордость – нет.

– Короче, объясни все толком.

– Мы можем лишить террористов их спонсорской верхушки, – теперь уже вслух высказался Сергей.

– «Спонсорская верхушка террористов» – это версия Феликса, – взял слово Мошнов-старший.

– Феликс – надежный источник. Да и вообще никаких проверок не требуется. Нужно лишь заглянуть в кошельки Вейсберга, Хожамирова, Бажаева, послушать *ихний* говорок...

– Все это неплохо, – в задумчивости потер подбородок Толик Муравьев, веснушчатый парень с позывным Ноль-эмоций. – Но как узнать, где, когда и по какому поводу они снова соберутся вместе? Ну, пусть это будет юбилей Хожамирова. – Ноль-эмоций нашел в распечатке дату рождения вора в законе. – Как узнаешь, в каком месте он его будет отмечать? Вдруг в Лондоне или Париже, где у него недвижимость? Или здесь, в Москве, но к акции же подготовиться надо.

Он не дал Глумову и слова сказать.

– погоди. Слушай, Серега. Вот ты узнал, что вечеринка будет на «Авроре». Мы что, шумную толпой попрём брать крейсер на abordаж?

– Мы узнаем, когда спонсоры соберутся отметить очередную сделку Вейсберга. Ее я даже могу назвать сделкой века.

– А-а, ты... – усмехнулся Ноль-эмоций.

– От нас потребуется, – продолжал Глумов, не обращая внимания на скепсис товарища, – поддержать генерала, не дать сделке по продаже городка сорваться...

И он посвятил товарищей в те незначительные пока детали по продаже военного городка Черный.

– Играем против генерала, – покачал головой Мошнов-старший, переглянувшись с братом. Один был старше того на полчаса и чуть ниже, что не мешало многим путать, кто из них кто. С легкой руки капитана Глумова их стали называть братья Гекко – как двух отморожков из кинофильма Родригеса «От рассвета до заката».

– А мы никогда не играли на стороне генерала, – напомнил Глумов. – Мы работаем на него. Он дает нам заработать и на стороне, только не догадывается, на что мы тратим эти деньги. Для меня он лично – денежный вещмешок. Его так однажды назвал Вейсберг.

– Но ты питаешь к нему чувства.

– Вот этого не отнять.

Только сейчас Сергей обратил внимание на невысокого полноватого человека, находившегося сбоку этого тесного круга, и у него в голове родился полушутливый монолог: «Что делает здесь, среди спецназовцев, командир стройбата?»

Майор Бармин был одним из первых, кто оказал «вольным стрелкам» материальную помощь. Правда, добровольным пожертвованием это нельзя было назвать. Майор участвовал в строительных работах в загородном доме Аркадия Разлогова, там они и познакомились. Глумов без обиняков спросил его: «Много работы на стороне?» Соврать Бармину не позволила беспредельная глубина глаз Сергея. С той поры Глумов стал «крыть» левый бизнес майора Бармина.

Сейчас Глумов уже не мог точно вспомнить, что стало причиной, по которой Бармин, получивший в среде «вольных стрелков» прозвище «вольный каменщик», влился в их группу. Может быть, многочисленные пожертвования майора. Он с каждого «левака» отдавал до пятидесяти процентов прибыли. Помогал и кое-какой информацией. Он же свел Сергея со старшим оперуполномоченным РОВД Ворошиловым. Можно сказать, с этого момента Сергей Глумов, прикрываясь громким именем начальника управления Государственной экспертизы, стал обрывать связи в милиции.

– Что скажешь? – спросил Сергей майора Бармина. – Ты – «за», «против» или «воздержался»?

– Скорее... «воздержался», – ответил майор.

– Воздержался?

Бармин попытался скрыть свое волнение, спросив в свою очередь:

– Ну, да. А где ваше спасибо за откровенность?

– Спасибо на бутерброд не намажешь, – ответил ему Ноль-эмоций.

Спецназовцы рассмеялись. Майор Бармин несколько натянуто улыбнулся. Это «экстренное совещание» его откровенно напугало. Одно дело «мочить» продажных ментов, другое – стать участником самой крупной, на его взгляд, групповухи.

– В телефонном разговоре ты ссылался на неотложные дела, – напомнил ему Сергей.

– Да, да, – заторопился Бармин.

Когда он ушел, Глумов покачал головой. Подозвав Гекко-младшего, отдал ему распоряжение:

– С завтрашнего дня приглядывай за «каменщиком», Вадим. Не понравился мне его вид.

Глава 3

Первый из франтиреров

Порой «восьмерка» Павла Цыплакова сбрасывала приватность и добавляла официально-сти, становясь оперативной машиной. Больше всего этому радовался Константин Багдасаров по кличке Хан. Развалившись на переднем сиденье, он подсчитывал прибыль: сколько литров бензина сэкономил, оставив свою машину на парковке. Он получал моральное удовлетворение, туша окурки в пепельнице шефского авто, прибавляя громкость радиолы, выбирая музыку по своему вкусу.

Сегодня Цыплаков буквально кинул Костю, усадив на его обычное место «терпилу», пятидесятилетнего подполковника-связиста. Его звали Сергей Архипов, и Цыплаков, услышав его имя, поинтересовался, не является ли тот родственником Василию Архипову, генерал-полковнику танковых войск, дважды Герою Советского Союза. Подполковник кисло улыбнулся и не без сожаления ответил: «Если бы...»

Сергей Архипов обратился в Следственный комитет военной разведки (СКВР) два дня тому назад; если быть точным, то из двух суток их знакомства шесть часов прошли в беседах с подполковником. Остальное время оперативники готовили простенькую операцию по захвату с поличным.

Собственно, обращение Архипова сводилось к следующему.

Секретарь комиссии управления по реализации жилищных программ Антон Миркович потребовал от Сергея Архипова «десять тысяч долларов за внеочередное выделение квартиры», объясняя это тем, что Архипов в очереди – восьмой, но останется первым лет на восемь или девять. Потому что первые семь очередников получают квартиры в этом году, а «остальные заморозят». Архипов забеспокоился не на шутку и в качестве залога передал подполковнику Мирковичу половину требуемой суммы – пять тысяч долларов. Дальше ему стало жалко и двухкомнатной подмосковной квартиры, и денег, которые он отложил на ее обстановку, и себя самого. В итоге он посчитал это дело «внутренним» и решил не выносить сор из «арбатовской избы». Он что-то недоговаривал. И Цыплаков выяснил, что именно, устроив блиц-опрос:

– Вас отпугнул сам факт обращения в управление по борьбе с экономическими преступлениями?

– Да.

– Но вы знали, что наш отдел контактирует с УБЭП?

– Да. Только вы это делаете с неохотой.

– Объясните почему.

– Ваша задача – предотвращать преступления, оставаясь в тени и, по возможности, оставляя в тени сами факты преступлений.

– Что еще вы можете к этому добавить? – принял эстафету Багдасаров.

– У вас свои методы воздействия и способы наказания. Вы сами заинтересованы в чистоте «арбатовской избы». Вас как только не называли – чистильщиками, санитарами, но эти прозвища только льстили вам.

Цыплаков и Багдасаров были несколько удивлены точности, с которой Архипов дал на «людей-Х» характеристику.

– Реально-то Миркович может повлиять на процесс распределения квартир? – спросил Костя.

Архипов пожал плечами: «Не знаю». Вслух добавил:

– Не он, так другой сможет. Тот, с кем он поделится деньгами.

– Логично. Когда у вас повторная встреча с Мирковичем?

– Завтра. В конце рабочего дня. В полшестого, – уточнил Архипов и даже посмотрел на часы.

– Встречаетесь в его кабинете?

– Так точно.

– Вторая половина денег у вас с собой?

– Не догадался захватить.

– В следующий раз будьте предусмотрительнее, – отпустил Багдасаров тяжелую шутку. – Езжайте за деньгами.

Через полтора часа в офисе, верхняя часть двери которого была застеклена матовым армированным стеклом, оперативники сняли с банкнот ксерокопии и убрали их в сейф. Цыплаков отметил взгляд Архипова – он буквально прощался с деньгами. И только сейчас понял всю глубину его хода. Если бы Архипов обратился в УБЭП, то ждал бы денег до окончания следствия.

Отдел, в котором Павел Цыплаков занимал кресло «второго босса», по праву назывался мобильной единицей. Его члены были и оперативниками, и штурмовиками. На данный момент отдел вел шестнадцать дел – и это было забавное совпадение, так как в отделе работало шестнадцать человек, – и вот, все мобилизовались, чтобы натурально поучаствовать в операции по захвату мошенника с поличным. Цыплакову особенно нравилась эта процедура: они проверяли личное оружие, надевали в бронежилеты.

Когда Цыплаков выходил из офиса, окон в котором не было предусмотрено (он находился в середине цокольного этажа), ему показалось, что на дворе поздний вечер, город, погружившийся во тьму, взбодрился от света ночных фонарей и неона рекламы. И он искренне удивился яркому солнцу. По большому счету, он, точно зная, который час, потерял счет времени.

Архипов приехал на Фрунзенскую набережную, где располагалась жилищная комиссия, в машине Цыплакова. Багдасаров прокатился до места в компании Светланы Ипатьевой на ее машине, которую сам Костя называл битая «шестерка».

Цыплаков передал Архипову деньги, а тот вдруг спросил:

– Мне не подавать виду, что я взволнован?

Цыплаков расхохотался так громко, что привлек внимание Багдасарова. Тот опустил стекло со стороны пассажира и вопрошающе вскинул голову. Цыплаков отмахнулся: все нормально.

– Совершенно неважно, как вы будете выглядеть. Главное, отдайте Мирковичу деньги. Вашу взволнованность объясните так: переживаете за квартиру. Потребуйте гарантий, что получите ее в срок.

– Это все?

– Будь я на месте Мирковича, поверил бы каждому вашему слову.

– Да, вы правы, – вынужден был согласиться Архипов.

Он коснулся пальцами груди в том месте, где под рубашкой у него был прикреплен лейкопластырем микрофон. Еще несколько клейких полосок придерживали провод, идущий к приемнику сигналов, закрепленному в районе поясницы.

«Еще рано», – хотел было сказать Цыплаков, но передумал. К чему тянуть время? Миркович поймет стремление клиента прийти на несколько минут раньше назначенного срока.

– Приготовились, – отдал он команду по рации. – Я – Главный, доложите о готовности.

Первым отозвался ответственный за связь Евгений Шульгин.

– Главный, слышу и тебя, и клиента на аппаратуре.

Этот момент был важен для группы захвата, состоящей из десяти оперативников. Шульгин – глаза и уши опергруппы в кабинете махинатора – доложит старшему, когда Миркович возьмет деньги.

Игорь Джумагулов, возглавлявший силовую группу, отозвался вторым и за всю группу разом:

– Слышим тебя, Главный. Ждем команды.

– Ладно, – Цыплаков бросил в рот жвачку. – Клиент пошел. Давайте, подполковник, – поторопил он Архипова. – Не переживайте, держитесь спокойнее. Вы же не требуете ничего сверхъестественного. Всего лишь свою квартиру. Ну, давайте. С богом!

Архипов подошел к постовому. Тот проверил документы подполковника и, сверившись с записями в журнале, разрешил ему пройти в здание. В Архипове проснулась мстительность, он сейчас шел мстить аферисту, который только на одной этой несложной операции мог позволить себе «Рено» в базовой комплектации или отечественную «Приору». «Интересно, какая у него машина?» – подумал Архипов, поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж. Размах Мирковича натолкнул подполковника на мысль о целом парке машин. Он снова сделал нехитрый подсчет. Семь очередников – это семьдесят тысяч долларов. Жилищная комиссия – несомненно, золотое дно. И он ступал фактически по золоченому полу управы.

Он остановился напротив двери с табличкой «216» и, помедлив секунду-другую, постучал. Тотчас услышал вопрошающий голос: «Да?» Как будто Миркович переговаривался с соседом по коммуналке.

Архипов вошел и сухо поздоровался:

– Здравия желаю.

– А, Сергей Николаевич! – лицемерно обрадовался хозяин кабинета. И вместо того, чтобы встать навстречу посетителю, он еще глубже погрузился в рабочее кресло, скрестив на груди руки. Он был спокоен. Даже в его темных глазах не промелькнуло настороженности. – Присаживайтесь.

Он подкатился ближе к столу и полез в ящик. Покопавшись в нем, вынул лист бумаги и зачитал первые три фамилии очередников... Архипову эти имена были хорошо знакомы. Он мог назвать их, разбудил его посреди ночи и в середине кошмара. Порой с легкой досадой он мысленно плевал им в спину, но им, согласно Конфуцию, отчаиваться было ни к чему: все это лишь доказывало, что они впереди. Интересно, подумал Архипов, забывая о микрофоне на груди и приемнике на пояснице, кого из них Миркович подвинул назад. Может, майора Евгения Макарова? Или полковника Олега Фибихова? Они имели в списке шестой и седьмой номера соответственно.

И тут в голове Архипова всплыли слова Багдасарова: «Реально-то Миркович может повлиять на процесс распределения квартир?»

Реально – вряд ли, пришел запоздалый ответ. Но черт его знает... Как тут проверишь? А если выдача ордера на квартиру затянется на годы? Архипов побледнел. Он не вынесет и года в десяти метрах в общежитии.

Он выхватил из рук Мирковича документ и пробежал его глазами. Это было Указание Министерства обороны РФ от 24 апреля 2007 года «О порядке отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду».

– Ты чего мне горбатого лепишь?!

– Он слетел с катушек, – прозвучал в рации голос Игоря Джумагулова, едва в наушнике раздались угрозы в адрес секретаря жилкомиссии.

Цыплаков тяжело вздохнул: «Учишь, учишь дураков, а они – бац!...» Отдавать команду на захват было неумно, как сказал бы его босс.

– Урод номер один не успел отдать уроду номер два бабки, – прозвучал голос Светланы Ипатьевой. – А у нас ксерокопии этих бабок. Надо бы как-то избавиться от них. Подпалить там, не знаю, повернуть через мясорубку...

– Тихо! – прошипел Цыплаков в микрофон. – Человеческий фактор!..

* * *

Архипов перегнулся через стол. Схватив секретаря за грудки одной рукой, второй готовился отправить его в нокаут. О существовании комнаты отдыха в кабинете он даже не догадывался. Неприметная дверь распахнулась, пропуская широкоплечего парня лет двадцати семи. Сергей Глумов с ходу продемонстрировал то, чему его учили в спортзале разведроты: в длинном прыжке ногой достал Архипова, заодно сметая и Мирковича вместе с креслом. Приземление Глумова было жестким: он ударился бедром о край стола и рукой, пытаясь смягчить падение о пол.

Надо отдать должное Мирковичу, он быстро взял себя в руки: подбежал к двери и закрыл ее на ключ. От двери же зашипел на парня:

– Идиот! А вдруг у него микрофон?

– Дурак! – в тон ему отозвался Глумов. – Стал бы он душить тебя. Был бы у него микрофон, он бы болтал без умолку, а не махал руками.

– Ты прав... – Миркович с трудом перевел дух. – Но все равно проверь его.

Архипов сам оказался в нокауте и с трудом смог поднять голову.

В первую очередь Сергей вынул из кармана подполковника деньги и бросил их Мирковичу. Рывком распахнул на груди рубашку Архипова и тупо уставился на микрофон, закрепленный лейкопластырем. Он не понимал, что происходит.

– Что? – выпучил глаза Миркович.

– Глазам не верю, вот что.

Секретарь кинулся к двери – чтобы открыть ее, выбежать и избавиться от денег.

Если бы Цыплакову предложили дать его группе захвата имя собственное, он, не раздумывая, назвал бы ее «Молния». Бойцы опережали звуки собственных шагов. Мгновения назад они прозвучали на улице, а сейчас уже доносились со второго этажа. Первым у запертой двери оказался Джумагулов. Мгновенно оценив состояние ее косяков, он переглянулся с напарником по кличке Балда. Отклонившись назад, они одновременно ударили в нее. Дверь влетела в помещение вместе с косяками. Джумагулов с Балдой едва устояли на ногах. Толчок оказался таким сильным, что дверью придавило Мирковича. На виду были только его руки – в одной ключи, в другой пачка долларов, и голова.

Цыплаков оттеснил Джумагулова плечом и подошел к парню, на руках которого защелкнулись «браслеты», поздоровался с ним:

– Привет. Ты...

Он не успел договорить. Сергей Глумов перебил его, сплюнув кровью ему под ноги.

– Я твоя проблема. Дай-ка мне позвонить.

Цыплаков покачал головой и подозвал Светлану Ипатьеву. Ткнув в нее пальцем, он сказал Глумову:

– Вот моя проблема. А ты – так себе задачка. Светка, у тебя есть дезодорант?

– С собой нет.

– Ну, тогда просто помаши руками. А то здесь подванивает.

Цыплаков пошарил по карманам кожаной куртки задержанного и выудил удостоверение личности, вслух зачитал:

– Глумов Сергей Сергеевич, капитан, командир роты. Что вы делали здесь, в управлении по реализации жилпрограмм, товарищ капитан?

– Я бы тебе сказал, если бы это тебя касалось. Все? – хищно прищурился Глумов.

– Будет все, когда скажу. За работу, парни! – поторопил Цыплаков опергруппу. А сам прошел в заднюю комнату.

В первую очередь его заинтересовал сейф, вмонтированный в стену. Погремев связкой ключей, изъятых у Мирковича, Цыплаков выбрал самый длинный и изящный. На поверку сейф оказался разделенным на две части. Верхняя – с дверцей. Но не заперта. Он открыл ее и увидел то, что не могло не порадовать его: пачка долларов и пистолет. Цыплаков взял в руки натурально образцовое изделие – «беретту», принятую на вооружение ВС США под обозначением «М9». Он был уверен, что магазин полон. И не ошибся, выщелкнув на ладонь ровно пятнадцать патронов. Еще тридцать находились в двух запасных магазинах. К ним прилагался отдельный чехол на пояс. А к самому пистолету – нейлоновая кобура с лейблом фирмы «Бианчи».

Цыплаков оглянулся. Никто не видел, как он засунул кобуру и пару обойм в черный пластиковый пакет, предназначенный для временного хранения вещественных доказательств, а саму «беретту» заткнул за ремень и прикрыл рубашкой.

Глава 4

За стеклом

За стеклянной перегородкой, разделяющей офис на две неравные части, было всегда теплее, чем в общем помещении, как будто шеф включал обогреватель. Цыплаков лишь раз добрался до сентиментальных мыслей: мол, от самого шефа веет теплом. Но тогда Павел набрался пива, и его легко было растрогать.

Полковник Михаил Гриневский, которого за глаза называли Грином, четыре года тому назад попал в страшную автокатастрофу и с тех пор передвигался в инвалидной коляске.

Гриневский успел посмотреть и проанализировать весь материал по силовому мероприятию. Сергею Глумову он отвел роль человека, от которого можно было отталкиваться во время допросов главного фигуранта – подполковника Мирковича.

– Пока для нас неважно, что из себя представляет капитан Глумов. Возможно, нас интересуют его связи. Глумов – дополнительный рычаг давления на Мирковича. У такого человека, как этот капитан, за плечами нередко груз преступлений. А он автоматически накладывается и на самого Мирковича. Тот человек умный и должен осознавать, что...

– Когда тушишь пожар, не думаешь о счетах за воду, – заполнил Цыплаков паузу «чисто английской» фразой.

– Точнее не скажешь...

Во время таких бесед Павлу Цыплакову все время чудилось, что сейчас шеф поднимется с инвалидной коляски, как с обычного кресла, подойдет к двери, поднимет полосу жалюзи и, не прерывая беседы, окинет взглядом рабочие места подчиненных... Точнее, Цыплакову этого хотелось. В такие моменты он жутко жалел своего начальника. Но были и другие моменты, о которых он не рассказал бы даже на страшном суде, – это когда шеф виделся ему не только в инвалидном кресле, но и за «инвалидным» столом на колесах. Цыплакову было стыдно. Казалось, в такие моменты он нес невообразимую чушь.

Гриневский не стал долго держать помощника. Он крайне редко лично участвовал в допросах. Его больше интересовал материал, необработанная информация.

Цыплакову же для допроса нужен был напарник. Он остановил свой выбор на Светлане Ипатьевой. Сегодня она была одета в тенниску, расклешенные джинсы, сумочка на ремне, на ногах босоножки.

Они спустились в подвал. Цыплаков открыл дверь камеры и пропустил Светлану вперед. Та первой поздоровалась с Мирковичем:

– Здравствуйте, Антон Михайлович! Сибирского здоровья вам и кавказского долголетия. Икаете?

– Не паясничайте! – взорвался Миркович, резко поднимаясь с кушетки. – Я подполковник! И работаю в...

– Да знаем мы, кто вы и где работаете. В управе по реализации жилищных программ только про вас и выбитую дверь говорят.

Миркович постарался взять себя в руки.

– А в вашем... подразделении нет кабинета для допросов? – с небольшой заминкой подобрал он слово.

– Мы не допрашивать вас пришли, а поговорить про капитана Глумова.

– Глумов? – переспросил Миркович и пожал плечами. – Я плохо его знаю.

– Мы с вами поделимся кое-какой информацией. Ваши махинации с ордерами на квартиры нас интересуют постольку-поскольку. Иначе махнули бы на вас рукой и отдали волкодавам из УБЭПа. Пораскиньте мозгами, Антон Михайлович. Почему ваше задержание произо-

шло в то время, когда в задней комнате вашего кабинета отдыхал капитан Сергей Глумов? Двое и более лиц – это уже преступная группа. Вы уже намертво привязаны к Глумову фактом передачи вам денег от подполковника Архипова. Можно представить это дело и с другой стороны. Банальный грабеж вас устраивает? Фактически вы с Глумовым напали на человека, которому выписали пропуск в управление, и отобрали деньги. О чем красноречиво говорят аудио- и видеозаписи. Это соломинка. И вы можете уцепиться за нее. А если нам понравятся ваши ответы...

Наступила долгая пауза.

– Пожалуй, я пойду с вами на сделку... Знаете, что такое страх? – начал Миркович, попросив закурить. Пустив дым в потолок, он продолжил: – Страх – это прагматичное чувство. Чувство преувеличенной опасности. Оно не дает тебе поцеловать кобру... Действительно, я не мог повлиять на порядок распределения квартир, как заметил один из ваших сотрудников. Но я крутился как мог. Мне поверил один клиент, другой, дальше меня затянуло; клиентов я стал называть лохами. Я уже не играл, а жил этой хорошо оплачиваемой ролью.

– Красиво сказано, – одобрительно покивала Ипатьева.

– Однажды мне не повезло, – все больше откровенничал Миркович. – Майор по фамилии Яковкин, получавший квартиру в Подмоскowie, на повторную встречу со мной пришел не один. И деньги были в руках у другого. Его сопровождал Сергей Глумов. Он выложил на стол пачку долларов и сказал: «Здесь пять «штук». Не хватает еще пяти». Глумов был тем человеком, при встрече с которым говорят: «Мне конец». Я работал один. У меня не было «крыши» и не было выбора. Я не мог отказаться от предложения Глумова, который в первую или вторую нашу встречу назвал себя... фонарем в одной организации.

– Почему он назвал себя фонарем, он объяснил?

– Да. Он сказал: «Фонарь мешает спать стражникам, а звездам – светить». Запоминающаяся фраза. Я потом специально узнавал, откуда она. Оказалось, из старого фильма «Звездный мальчик».

– То есть Глумов дал вам понять, что он не последнее лицо в некой преступной группировке.

– Именно так.

– Он стоит над «стражниками», рядовыми, но близко к руководителям, «звездам».

– Да, это на него похоже, – поддакнула Ипатьева.

– Ну, если вы сами все знаете... – Миркович развел руками.

– Как долго продолжалось ваше с ним сотрудничество?

– В общем, мы кинули четырнадцать клиентов. Деньги делили поровну. Работая в паре с Глумовым, я получил семьдесят тысяч долларов.

– И последний вопрос. – Его Цыплаков задал на чистой интуиции. – Почему Глумов скрывал вашу с ним связь от «звезд» в организации?

– Ну, деньги, которые он имел на мне, Глумов называл «доходами, не облагающимися налогами». Как-то раз мы выпили паршивого виски – он на хорошее пойло всегда жмотился, а я по этому поводу думал: на что вообще он тогда тратит деньги, на старость копит, что ли? Так вот, Глумов разоткровенничался. Я хотел было взять его секрет на вооружение, но не видел в этом выгоды. Отомстить ему не трудно – за левый доход Глумову в его организации могли и ноги переломать.

– Кого еще он нелегально «крыл»?

– Точно мне об этом неизвестно. Могу предположить, что под его влияние попал командир стройбата. Глумов «подцепил» майора за продажу рабсилы, запчастей и еще какой-то мелочи, гвоздей, кажется.

* * *

В своем кабинете Грин, выслушав подчиненных, отдал команду:

– Живо собирайте материалы на нашего «звездного мальчика» – и на допрос его.

К тому времени Цыплаков уже знал, что из себя представляет «звездный мальчик», цитирующий сказочного героя: командир разведроты в мотострелковом полку, предположительно – возглавляет боевое ядро организованной преступной группировки.

Гринеvский остановил Цыплакова, когда Ипатьева вышла и закрыла за собой дверь.

– Мне позвонил лично Аркадий Разлогов...

– А, шеф управления Государственной экспертизы, – покивал Цыплаков.

– Он самый.

– Генерал попросил вас отпустить Глумова?

– Потребовал. Был еще один звонок – от генерал-лейтенанта Кулагина. Он возглавляет управление по реализации жилищных программ.

– Он просил за Мирковича.

– Разумеется. Аркадий Разлогов потребовал освободить Глумова, – повторился Михаил Гринеvский. – Когда влиятельная фигура заступает за пешку, возникают большие вопросы. Но на шахматную партию это не похоже. В шахматах что ни ход, то жертва, в итоге король остается один. А система накручивает себя, укрепляется за счет новых элементов. Прежде всего, она защищает собственные интересы. Но сравнение с шахматами уместно только в том случае, если правила игры будут изменены.

– Каким образом?

– Фигуры противника становятся на твою сторону.

– Мне поторопиться? – спросил Цыплаков после непродолжительной паузы.

– Я попросил бы тебя не замедляться. Что бы ты мне посоветовал в этом случае?

– Задержать Глумова до утра. И ему, и генералу Разлогову за это время будет о чем подумать.

Гринеvский походил на биоробота, когда подъехал к розетке и, вытянув из коляски шнур, приконнектился для подзарядки аккумулятора. Шнур был длинный, на подпружиненном барабане, и позволял Грину свободно перемещаться по кабинету; однако в этот раз он не тронулся с места, как будто ждал полной зарядки.

Цыплакову казалось, в такие моменты Гринеvский снова переживал ту аварию, прогонял в голове варианты, которые позволили бы ему избежать лобового столкновения с грузовиком. Ночь, мокрая дорога, незаметный кусок бетона с торчащей арматурой, притаившийся в ухабе; левое переднее колесо пробито навывлет, и машину вынесло на встречку. Она совершила полный оборот, прежде чем вмазалась задком в грузовик. Сам Грин как-то сказал: «Теперь я знаю, каково волку, попавшему в капкан... обеими лапами». Больше он к этой теме не возвращался.

Глава 5

Начало игры

Здание СКВР соседствовало с военно-медицинским главком, что в Хрустальном переулке, между Варваркой и Ильинкой, в шаге от ГУМа и в полутора – от Кремля. С точки зрения оперативности – место не очень. Трудно выезжать из переполненных машинами улиц и переулков на такие же забитые и с виду просторные дороги, даже на Москворецкую набережную.

Цыплаков запарковал машину на своем месте, захлопнул дверцу и закрыл на ключ. Подергал за ручку – надежно ли держит замок. Мимо прошел моложавый подполковник-медик. Он прятал насмешку, но не скрывал связки ключей с брелоком – пультом дистанционного управления, с помощью которого поставил свою машину на сигнализацию, заблокировав замки.

Цыплаков сегодня опоздал на работу на двадцать минут, поэтому сразу спустился в подвальный этаж. Там он прошел коротким и мрачноватым коридором, который, казалось, вел в тупик. Остановился перед массивной дверью и услышал голос напарника:

– Поговорим про Мирковича?

– Про Антона?

– Про Антона. Потом поговорим про остальных Мирковичей.

– Всем привет! – поздоровался Цыплаков, когда дверь за ним закрылась.

– Ты опоздал, – констатировал Багдасаров, не меняя позы – одной ногой твердо стоя на бетонном полу, а другой поддерживая равновесие на жестком сиденье стула. Он был без пиджака, отчего плечевая кобура желтого цвета смотрелась весьма стильно. Костя на одну восьмую часть был узбеком. Но и этой восьмушки хватало, чтобы люди, не знавшие его, признавали в нем выходца из Средней Азии.

– Знаешь, – сказал Цыплаков напарнику и кивая на Глумова, – этот капитан похож на одного парня, который в своем собственном доме насиловал девчонку. На столе дорожки от кокаина, в одном углу принтер печатает фальшивые деньги, в другом – ксерокс размножает фашистскую литературу, посреди комнаты оружие, боеприпасы. В квартиру вламывается группа захвата. Парень поднимает руки и говорит: «Это не то, что вы думаете».

– Знаешь, – подал голос Сергей Глумов, прикованный наручниками к прочному кольцу в стене, – мне наплевать на ваши методы допросов. Я ничего не скажу.

– День только начинается.

– Но он закончится. А вот завтра...

– Завтра – это завтра. Тебе нужно думать о сегодняшнем дне.

Цыплаков занял место за столом и с минуту неотрывно смотрел на своего ровесника.

– Играешь в шахматы?

Простой вопрос поставил Глумова в тупик. Он выискивал в нем подвох не меньше минуты.

– Ну, играю. А дальше что? Хочешь со мной сразиться?

– Если изменим правила, – поставил Цыплаков условия. – Фигуры противника переходят не на край доски, а становятся на сторону победителя.

Глумов хотел было возразить, но Цыплаков остановил его жестом руки: дай ответить на телефонный звонок. Звонил Грин, и это был запланированный звонок.

– Да, Михаил Васильевич. – Долгая пауза. Цыплаков сдвинул брови. Ему не следовало показывать Глумову актерское мастерство, равно как и любые эмоции, дабы не вызвать у него подозрений. – Да, слушаюсь. Обязательно.

Цыплаков сложил мобильник и засунул его в карман с таким остервенением, как будто это вместилище семечек, денег, кассовых чеков и сопливых платков было до самого колена. Из другого кармана он вынул связку ключей. Выбрав самый маленький, подошел к Глумову и отомкнул наручники. Открыл дверь. Озвучил свои действия короткой командой «на выход».

Вещи задержанных хранились в оружейной комнате на специальном стеллаже. Цыплаков открыл ее своим ключом, поискал на полке картонную коробку, выложил на закрытый спереди стол деньги, сотовый телефон, темные очки, водительское удостоверение и удостоверение личности, брючный ремень.

– Претензий не имеешь?

– Нет, все вещи в целости и сохранности, – отозвался Сергей. – И вообще все было просто замечательно.

– Тогда ставь свой автограф. – На бланке, который назывался препроводительной накладной, Цыплаков поставил галочку. Глумов расписался, вдел ремень в брюки, рассовал вещи по карманам, демонстративно похлопал по ним – не забыл ли что – и, приложив ладонь к голове, другой рукой отдал честь. Цыплакову и Багдасарову оставалось только пройти вместе с ним до выхода, где капитана дожидался полноприводный «Ниссан» с непроницаемыми стеклами. Сергей сел на переднее пассажирское место и напоследок обратился к Цыплакову:

– Мне понравились новые шахматные правила. Сыграем, если судьба снова сведет нас.

– Почему нет? Если свидимся, – добавил Цыплаков.

– Эй, – позвал его Глумов. – Если голова держится на шее хотя бы на коже, это не считается обезглавливанием.

– Я запомню это.

В стенах военной разведки зародился термин «агент по особо щекотливым поручениям». Именно таким виделся Цыплакову капитан Глумов.

В это время в другом кабинете Ипатьева наставляла Мирковича:

– У нас появился мотив отпустить вас. Это звонок начальника вашего управления.

– Звонил сам Кулагин?

– Именно. Готовьтесь у себя в управе получить по-полной. Хотя лично я вам советую идти в отказ, поскольку факты вымогательства не подтверждены. Вы хорошо знаете ваше начальство?

– Достаточно для того, чтобы понять: внутреннего расследования не будет. Иначе им придется вызывать всех военнослужащих, получивших квартиры за последний год или два. Какой дурак признается, что за ордер на квартиру он сверху заплатил десять «штук» баксов?

– Есть что-то, что действительно связывает вас и ваше руководство? – спросила Ипатьева?

– Только одна вещь.

– Какая?

– Лозунг. – Миркович наклонился вперед и вполголоса отчетливо продекламировал: – «Либо мы будем идти вместе, либо висеть по отдельности».

– Неужели это предупреждение еще работает?

Миркович усмехнулся: «А разве нужно объяснять?»

Ипатьева вынула из поясной сумки карточку. На матовой поверхности стояло ее имя и пара телефонных номеров. Она добавила еще один. Подчеркнув его, она написала, кому он принадлежит.

– В любое время вы можете связаться либо со мной, либо с моим шефом, Павлом Цыплаковым. Он неплохой парень – если с ним не спорить.

– У меня те же проблемы с начальством. Жалко, не могу оставить вам свою карточку.

Ипатьева похлопала по старомодной картонной папке, на верхней обложке которой красовались написанные от руки фамилия, имя, отчество подполковника, год рождения и номер дела.

– Вот ваша визитка. Одну секунду. Я не просто так подчеркнула номер телефона моего шефа. Если надумаете звонить, звоните ему. На то есть причина. Меня месяц не будет на этом гадком севере.

– Уезжаете на юг?

Ипатьева вздохнула что-то о проницательности Антона Мирковича.

Глава 6

Каменщики

Генерал-лейтенант Разлогов занимался спортом по собственной методике. Кто-то бегал трусцой по утрам, а он предпочитал отводить этому занятию день или вечер. Утром мышцы сонные, и бег для них – ведро холодной воды на голову спящего.

Разлогов физической зарядке предпочитал эмоциональную. В первую очередь он включал телевизор. Первая кнопка была настроена на новости РБК, и первая передача, которой он уделял внимание, называлась «Утро делового человека». Он прибавлял громкость и шел умываться. Когда садился завтракать, начинался обзор российской и зарубежной прессы. Он следил за бегущей строкой, отражающей котировки ценных бумаг, главные новости, новости часа, экономику и спорт. Все несколько сжато, но только для тех людей, которые в своей голове не держат хорошего распаковщика, как-то раз пришел к такому выводу генерал-лейтенант.

Разлогов видел «Ниссан» Глумова, въезжавший в распахнутые ворота его загородного дома, но продолжил разминку, свернув в аллею – единственное место в городке, которое вызывало в груди генерала тягостное чувство отторжения. Эта аллея походила на кладбищенскую, а ряды низкорослых деревьев – на сплошные линии из похоронных венков.

Генерал закончил пробежку на пороге своего двухэтажного дома. Вымывшись в душе, встретился наконец-то в гостиной с Сергеем. Бросив мокрое полотенце на диван, генерал жестом руки усадил гостя на оттоманку и строго спросил:

- Что все это значит, Сергей?
- Я все объясню, Аркадий Михайлович.
- Объяснять буду я. А ты рассказывай.

Глумов начал с того, что примерно полтора года назад к нему обратился майор Яковкин с жалобой на секретаря жилищной комиссии.

- А ты кто, мировой судья, что ли?
- Ну, говорили про меня, что я могу разрулить любую ситуацию.
- Кто говорил? Не юли!
- Я.
- Ты?
- Могу же я говорить про себя?
- Язык твой – враг твой. Дальше.
- Я встретился с Мирковичем. Он...
- Уже наслышан, кто он. Ты наехал на него и прибрал к рукам. Сколько ты нажил на нем?
- Да всего-то семьдесят «штук».
- Ладно. – Генерал промокнул мокрый лоб полотенцем. – Мне некогда рассиживаться с тобой. Езжай домой и все свои приключения опиши на бумаге. В деталях, – акцентировал генерал.

Он вышел из дому и остановил Глумова, собравшегося захлопнуть дверцу машины.

- Ну-ка еще раз расскажи анекдот.
- Какой анекдот?
- Цыплаковский. Про парня, который трахал девчонку. Начало можешь пропустить.
- Чувствую себя дураком...
- Рассказывай! – поторопил его генерал.

Он слушал и отмечал отдельные детали – дорожки от кокаина, фальшивые деньги, фашистская литература, оружие, боеприпасы, в целом представил себе этот «джентльменский набор», и в его голове родилась стандартная комбинация...

* * *

Оперативники на несколько мгновений прервали работу – только для того, чтобы поздороваться с Сергеем Харламовым, проводить его взглядом до офиса Грина, и снова занялись делом.

Визиты Харламова в офис были регулярны, даже существовало расписание, однако порой он мог не появляться неделю, а то и две. С рядовыми Харламов беседовал только после встречи с глазу на глаз с Гриневским. Он удобно устраивался в кресле и клал на колени объемистую кожаную папку на «молнии». Харламов и Гриневский практически дополняли друг друга. Один обладал постоянным качеством академика, а другой по правовому положению был администратором.

Харламов и Гриневский оставались тет-а-тет минут тридцать пять – сорок. Харламов поздоровался с подчиненными вторично. Выложив папку на невысокий стеллаж, он озвучил очередную задачу. Как всегда, начал с главного.

– Военный городок Черный, общей площадью семь с половиной гектаров, принадлежащий Минобороны, может уйти с молотка. Сумма предстоящей сделки может превысить сто пятьдесят миллионов долларов. Секретные материалы, которыми я располагаю, не позволят военному городку уйти с молотка, иначе о сделке можно было бы говорить, как о свершившемся факте, а большую часть материалов – собирать в открытых источниках информации. Мы будем вести это дело. Возможно, в ходе оперативной работы всплывут материалы, представляющие для нас интерес.

Харламов взял паузу. Заодно выбрал объектом своего пристального внимания Светлану Ипатьеву; до этого он переводил взгляд с Багдасарова на Цыплакова.

– Один из фигурантов этого дела вам знаком. Это представляющий интересы генерал-лейтенанта Разлогова капитан Сергей Глумов. – Харламов не сумел скрыть тонкой насмешки. – Надо ли говорить о том, что главный фигурант – сам Разлогов Аркадий Михайлович?.. В плане продаж земель и недвижимости Минобороны Разлогов имеет опыт. Собственно, его предпринимательская деятельность и началась с продажи подмосковного городка.

Еще одна пауза.

– Вторая сторона – собственно, покупатель – это небезызвестный бизнесмен Юлий Вейсберг, гражданский партнер генерала Разлогова. Не ошибусь, если предположу, что Вейсберг создаст две фирмы, которые и будут основными претендентами на городок. Одна выиграет, другая проиграет.

– Кто еще участвует в сделке? – не удержался от вопроса Багдасаров.

– Конечно, свои откаты получают в московской мэрии и Гордуме. Собственно, доля Разлогова – это и есть откат, но львиного размера. Это он складывает мозаику из отдельных кусочков, сводит концы с концами и сводит людей. Преступные ходы, которые он использует в аферах, в конце концов приобретают правовой статус. До поры до времени нельзя понять, какую цель преследует генерал. Она становилась видимой только тогда, когда вмешаться в процесс уже невозможно: подкуплены чиновники, подобраны партнеры, подготовлены бумаги, проинструментированы подставные лица...

Когда звучат такие речи, акцент в которых расставлен на именах, должностях и умопомрачительных цифрах, не знаешь, с чего начать, подумал Цыплаков. Под ногами пропасть, и через нее нужно проложить мостик, дощечка за дощечкой. Легко сказать: «Парни, надо бы включиться в оперативную работу. Для начала пересмотрите журналы «Форбс», там вы найдете фигурантов этого дела и обновите информацию по структуре Минобороны, отдельные элементы которого спешили нажиться и урвать последнее, как если бы разорвали в клочки книгу судеб и узнали, что судного дня не будет. *Суда не будет! Ура!..*»

– Ну, что, парни, есть еще вопросы ко мне?

В этот раз руку поднял Багдасаров. Харламов поиграл бровями и искренне улыбнулся. Если бы он хоть капельку был раздосадован, то не смог бы этого скрыть, находясь среди своих. И Цыплаков не понял, сказались ли в этом случае его дипломатические способности.

– Слушаю тебя, Костя.

Багдасаров сразу приступил к делу. Растолкав впереди стоящих, он назвал две фамилии:

– Разлогов и Вейсберг. Я буквально вчера прочитал один забавный материал про крейсер «Аврора»...

– Мне он тоже показался забавным, – вышел из положения Харламов.

* * *

...Иногда вечерами они собирались в кафе-баре, которое называли своим и сокращенно – «кабаре». Там они оттягивались. И все же редко им удавалось избегать разговоров о работе.

Костя присоединялся к «корпоративным посиделкам» через раз. Вот и сегодня он заявил, что не сможет «культурно посидеть вместе со всеми», чем обрадовал товарищей. Но не успели они выпить и по паре пива, как открылась дверь, и в кафе вошел Багдасаров. Цыплаков и Ипатьева переглянулись: они откровенно побаивались Костиного занудства, а он этого в упор не замечал. Светлана сквозь зубы прошептала:

– К нам подсядет.

– К кому же еще?... Свершившийся факт.

– Есть такой бизнесмен – Юлий Вейсберг, – продолжил Костя ровно с того места, где его на утренней планерке перебил Харламов.

– Ну, есть, – подтвердил Цыплаков, заказав себе еще пива.

Ипатьева встала со стула.

– Ты куда? – прямо и грубовато спросил Багдасаров.

– Пойду попудрю себе кое-что.

– Не переборщи с пудрой. – Костя проводил ее взглядом и натурально поведал о том, что прокуратура Ленинградского военного округа «начала проверку по факту публикаций в средствах массовой информации о банкете, организованном на крейсере «Аврора» 6 июня. – Начальник музея заявил, что разрешения на мероприятие не давал, и вообще в этот злосчастный день у него был выходной.

Цыплаков ничего не понял.

– Какой начальник музея? Какой выходной?

– Слушай, – усмехнулся Костя. – 6 июня на борт «Авроры» прибыл первый гость. За ним потянулись и другие. На верхней палубе «випы» устроили курилку. Внизу организовали фуршетный зал. Официанты обносили гостей горячительными напитками и закусками. Большинство гостей Вейсберга приехали на «Аврору» после ужина у губернатора Петербурга. Одним из последних прибыл Аркадий Разлогов.

– «Наш» Разлогов?

– Он самый, Аркадий Михайлович. Он сказал министру: «Такого масштабного наплыва людей этот крейсер не знал с 1917 года, когда группа революционеров захватила власть в стране».

– Что было дальше?

– Вейсберг на правах хозяина лично водил министра с индивидуальной экскурсией по «Авроре». А потом он и Аркадий Разлогов продолжали работать в тесном кругу. Не исключено, что они обсуждали детали предстоящей продажи военного городка.

Если быть совсем точным, то речь шла о продаже семи с половиной гектаров столичной земли, мысленно подметил Цыплаков. Сумма сделки могла составить десять миллиардов рублей.

Цыплаков не заметил, когда вернулась Ипатьева. Он не замечал даже Кости, который раскрыл ему детали этого дела притчей.

Глава 7

Подземный король

Майор Бармин тщетно ломал голову над тем, как ему выйти из тупика. Он был бы рад найти выход, но как это сделать?

У каждого человека есть свое любимое место отдыха. Вот и у Бармина появилось такое, где он чувствовал себя подземным королем...

Это случилось два года тому назад. Дул сухой жаркий ветер, как будто дело происходило где-то между Багдадом и Басрой, а не в России. Бармин, отирая пот со лба то носовым платком, то рукавом рубашки, легко представлял себя на месте Индианы Джонса. В какой-то момент он рассмеялся над тем, в какой форме родилось у него это сравнение. Но смех его был короток, как икота.

Жара. Невыносимая жара. Солнце палит до одури. Ветер гонит пыль и вбивает ее в полуобнаженные тела. Бармин, стоя на краю котлована, искренне удивлялся двум вещам: как его солдаты выдерживают такую адскую жару и как он сам попал в это пекло с заданием докопаться до центра очага. Но лопата ударилась всего-навсего в свинцовую оболочку кабеля связи...

– Товарищ майор, – подал голос Николай Абазе, – а как кабель проводят по дну реки, вы знаете?

Бармин ответил не сразу – он в это время прикуривал сигарету, которая, по его ощущениям, могла вспыхнуть от очередного порыва обжигающего ветра.

– Знаю, – наконец отозвался он.

Майор частенько выезжал вместе с бригадой из десяти-пятнадцати солдат по той причине, что получал приказ лично от высокопоставленных чиновников Минобороны и был готов отчитаться за качество немедленно, как из-под земли, потому что у генералов не было привычки ждать. Он командовал батальоном, однако не мог передоверить важное задание, поступившее от важных людей, даже своему заместителю. Что касается конкретно этого случая, то в любое время здесь мог появиться генерал-лейтенант Волоков, которого называли мэром военного городка Черный.

– Первое, что делают при заглублении кабеля в донный грунт, это срезают бульдозером спуск и выход из воды кабелеукладчика, очищают от камней и корней деревьев. Потом кабелеукладчик устанавливают на одном берегу, а тяговую лебедку, соединенную с укладчиком длинным тросом – на другом.

Бармин указал рукой на противоположный берег, поросший тальником. Он четко представлял, о чем рассказывал, пусть академично, а не своими словами.

– Кабель проверяют на герметичность, смотрят, нет ли видимых повреждений, прозванивают, а уже потом катушку с кабелем устанавливают на кабелеукладчик.

– А сколько времени нужно, чтобы проложить кабель с этого берега на другой?

– Ну... часа полтора, не больше. Здесь ширина реки метров сорок, а скорость прокладки может достигать семидесяти метров в час.

– Значит, за полчаса проложили.

Майор не согласился с Абазе:

– Военный заказ, сечешь? Кабель проводили сами военные. Его закладывали в грунт на *предельно* гарантированную глубину.

О предельно гарантированной глубине могли сказать и его подчиненные. На суше кабель был заложен в траншею трехметровой глубины, имел снизу подсыпку, сверху засыпку слоем мелкой земли; лопаты военных строителей не встретили на пути камней или шлака. Сверху

он был защищен бетонными плитами. Кто и по какой причине снял одну из плит, оставалось только гадать.

Майор надолго задержал взгляд на строении, которое напоминало силовую станцию. Он подумал о том, что внутри находятся несущие конструкции, желоба изолирующих и разветвительных кабельных муфт.

На противоположном берегу находился коллектор – круглой формы тоннель для подземных коммуникаций. Здесь он был построен открытым способом, равно как и под уличными покровами, а под магистралями глубина коллектора достигала пятнадцати метров. Разумеется, этот коллектор был ведомственным; скорее всего, он вливался в общегородской коллектор с его кабелями связи, силовыми кабелями, воздуховодами и водопроводами, – и если так, то исключительно из экономических соображений.

...Прошло два года, а шляпа и кнут Индианы Джонса по-прежнему не давали Бармину спать спокойно. Он не боялся крыс, и слизняки на стенах не вызывали у него отвращения. По большому счету, он с головой окунулся в ролевую игру.

Бармин десятки раз спускался в коллектор через колодец и раз пять или шесть проникал туда через длинный, под уклон, тоннель. Он бы не обнаружил его, если бы не правый рукав коллектора, который и вывел его наружу.

В этом месте ручей едва пробивался из-под бурьяна, там окраина кладбища походила на огуменник, в котором некогда обитали бомжи. На прогнившем заборе покоробленный от дождей и жары кусок ДВП с поблекшим предостережением: «Территория охраняется служебными собаками!»

Место входа в коллектор находилось возле одного из прудов, разделенных дорожной насыпью с переливной системой. Один проход был сквозным и действительно соединял два пруда во время паводков, а другой вел напрямик в коллектор. Он был достаточно высоким, со сводчатым потолком. В тот знаменательный день Бармин вышел из коллектора этим путем, найдя дверь на прогнивших петлях. И уперся в решетку. Она тоже держалась на честном слове и подалась, когда майор налег на нее плечом. Он смотрелся весьма странно: мокрый, в каске с фонариком, на границе мира живых и мертвых, как стражник этого рубежа.

Он поставил решетку на место и привалил кирпичами, чтобы держалась. Быстро сориентировавшись, тем же вечером он подошел к этой же решетке, только с обратной стороны. И первое, о чем он подумал, было: теперь у него есть место, где он мог переждать и атомную войну. И по ощущениям это было круче, чем квартира в элитном доме. Он не кривил душой и не променял бы эту канализацию на вожаемые квадратные метры. Позже он поменял точку зрения, но вскоре снова вернулся к источнику.

Еще одним вознаграждением майору Бармину стал другой секрет. В одной из стен просторного подземного помещения была сделана ниша – низкая и глубокая. На поверку она оказалась началом еще одного перехода, в этот раз в виде трубы. Потому что трубу, как и тоннель, легче всего проложить по дну реки. Теперь майор точно знал, куда ведет эта натуральная нора: на противоположный берег. *Отсюда можно было попасть напрямик в военный городок Черный.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.